

12+

Литературный МОЯК

№ 1
(262)

Редактор выпуска Дмитрий ЕРМАКОВ

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и наступил новый год, две тысячи двадцатый...

Жизнь продолжается, в том числе и литературная: издаются новые книги, пишутся стихи и рассказы, делаются литературно-исторические открытия, проводятся литературные конкурсы, отмечаются юбилеи известных писателей...

8 января день рождения не только замечательного русского поэта Виктора Коротаяева, но и другого замечательного, ныне живущего писателя - Сергея Петровича Багрова...

Сергея Багрова смело можно назвать поэтом в прозе. Его миниатюры ритмичны и лиричны, обладают всеми качествами истинной поэзии. Наверное, именно поэтому Сергей Багров сумел так хорошо, тонко, с пониманием сути работы поэта написать о своих друзьях Николае Рубцове и Сергее Чухине.

Вот, например: «Поэт - это бог красоты, самое высшее состояние. Кто-то, а Сергей Валентинович был в таком состоянии многократно...

Пожалуй, самым священным и вещим образом был для поэта образ России.

Россия для Чухина - это дорога. Дорогу эту видать и сейчас. Там, в божьих даялах, искрится золотом света обломный край облака над закатом. Под облаком - сжатое поле, река с сенокосным сараем, налитые теменью ели и пышная, вся из усыпанных листьев, дорога, которой, мерцая очками, ступает в своей желтоплечей, не знающей старости куртке Сергей Валентинович Чухин...»

Будем помнить наших писателей, для которых «самым священным и вещим образом был образ России», с ними легче идти и нам по дороге нашей прекрасной Родины...

Дмитрий ЕРМАКОВ

8 января день рождения большого русского поэта, нашего земляка Виктора Вениаминовича Коротаяева.

Он ушёл из жизни в возрасте 58-ми лет, оставив яркий след в русской литературе как поэт, прозаик, публицист, редактор. Именно он был составителем первого посмертного сборника стихов Сергея Чухина и автором предисловия к этому сборнику...

Виктор КОРОТАЕВ

«Птицей золотой взмывает Русь...»

*Костёр, в котором мы горим -
гори, не гасни.*

*Под небом грозным и рябым
ты вечный праздник.*

*Как на смертельном рубеже
заходит сердце -*

*ведь мы с рождения уже
самосожженцы.*

*И в нашей собственной крови
и в нашей воле -*

*костёр тревоги и любви,
борьбы и боли.*

*Он жжёт и мучит всякий час,
не зная сроков.*

*Но скрыты от сторонних глаз
следы ожогов.*

*Чтоб не пропасть в глухую ночь,
и чтоб не гасло,*

*мы в тот костер подлить не прочь
и сами масла.*

*И жаль нам тех, кто даже дым
втянуть боится...*

*А о сгоревших говорим
как о счастливых.*

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЧУХИНА

Опять мы хороним поэта

И горькую теплим свечу.

«За что наказание это?» -

Бессильно,

Бессвязно шепчу.

И пристально

Кто-то

С пригорка

В меня

Сквозь ненастную грусть

Всё смотрит

Пытливо и зорко,

Как будто я смерти боюсь.

Не знаю,

Кто раньше,

Кто позже

Познает сию благодать,

Но прежде-то времени

Всё же

Нельзя

Ни жалеть,

Ни пугать.

Счастлив я в своём добре и хуе,

Потому что - с маковкой Кремля

У меня была, и есть, и будет

Издавна родимая земля.

Вот она, моя берёзка детства,

Вот мои луга, река и лес...

Век смотри -

и всё не наглядеться,

Век живи - и всё не надоест.

Прославляя дедовские дали,

Не совру, свою жалея честь,

Будто ни тревог и ни печали

Отродясь не видывал я здесь.

Но придёт нужда родному краю

Собирать сынов

в стальную рать -

Я, по крайней мере, знал и знаю,

За какую землю умирать.

Я не заживусь на этом свете.

Неслучайно кажется:

Вот-вот

Виктор Коротаяев

*И меня, рванув, осенний ветер
Заодно с листвою
Унесёт.*

*Полечу я над знакомой лужей,
Над своей мелеющей рекой,
Скомканный такой*

И неуклюжий,

Грустный

И рассеянный такой.

Но взнесёт меня

порывом мощным

В самый тот,

Заоблачный, предел,

Чтоб в последний миг

Земные рощи

Я с высот небесных

*Оглядел.
Со слезой,
Но только без укора,*

*Словно пребывая во хмелю,
Эту жизнь,
Минувшую так скоро,*

Я в последний раз благословлю.

И увижу,

Как, раскинув крылья,

Птицей золотой

Взмывает Русь.

Но последней радостью

открыть -

Жаль! -

Я уже ни с кем

Не поделюсь...

Настроив души на добро...

Продолжается приём работ на конкурс литературной премии имени Сергея Чухина «Настроив душу на добро...»

В предисловии к сборнику «Придорожные камни» Виктор Коротаяев писал: «Сергей Чухин, будучи совершенно бескорыстным человеком, шёл по жизни единственно верным путём человеческой совести и правды, ни под кого не подстраиваясь, никого не боясь и не соблазняясь лёгким, а значит, недолговечным успехом... Он просто и полнокровно жил русским словом, не унижая и не разрушая, а даже дополняя и развивая

его, любовался красками и звуками северной речи, извлекая из всего глубинный смысл...»

Уважаемые литераторы Вологодской области, Вологодского района, настроив свои души на добро, присылайте работы на конкурс премии имени Сергея Чухина.

Напоминаем, что конкурс проводится в трёх номинациях: поэзия, проза, критика и литературоведение.

Ознакомиться с положением о премии и заполнить заявку можно на сайте библиотечной системы Вологодского района в разделе «Краеведение».

Сергей Чухин

Январь - месяц рубцовский. В январе и день рождения (3 января), и день памяти (19 января) Николая Рубцова. И мы предлагаем читателям статью историка литературы Леонида Вересова, посвященную истории села Красково (ныне деревня) Вологодского района и пребыванию там Николая Рубцова.

Леонид ВЕРЕСОВ

Усадьба Красково - пересечение судеб Гаршина и Рубцова

Леонид Вересов в д. Красково у остатков фундамента усадебного дома летом 2019 г.

Село Красково Вологодского района - важный узелок в судьбе маленького Коли Рубцова. Узелок, который связал его, уже в возрасте шести лет, с большой русской литературой. Больше года будущий поэт жил в детдоме на территории этого села, который был до революции дворянской усадьбой (Золотиловых, Никановых, Саблиных, Аловых). Была бы в Краскове в годы войны школа, и пошёл бы Коля в первый класс в неё, и не развела бы судьба его с братом Борисом, и нашёл бы его отец сразу после возвращения в 1944 году с войны... Но это всё «если бы»...

Усадьба Красково - это некая веха в судьбах двух великих русских писателей: Всеволода Михайловича Гаршина и Николая Михайловича Рубцова, конечно, в разной степени и в разные исторические времена.

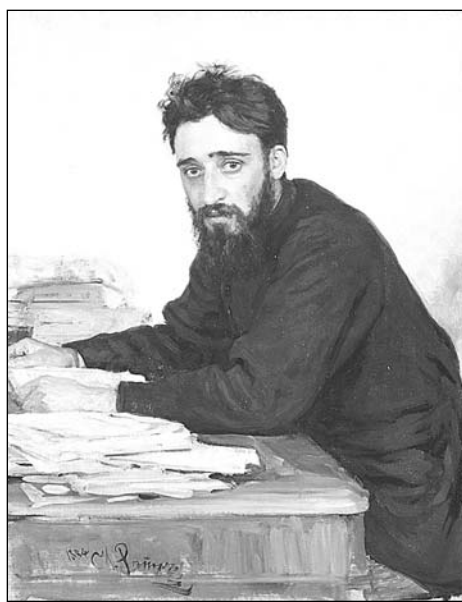
В этой усадьбе дворян Никановых родилась мать будущей жены Всеволода Гаршина. Сама Надежда Михайловна родилась в усадьбе в сельце Федосьин Городок на реке Шексне, в версте от Горицкого монастыря, а в усадьбе Красково провела детские годы.

С В. М. Гаршиным Надежда познакомилась в 1879 году именно в сельце Федосьин городок, куда писатель приехал к другу. Завязался роман, который закончился свадьбой в 1883 году, и в эти годы до смерти писателя в 1888 году в Красково они не наезжали.

Так откуда же пошли версии о посещении писателем Краскова? Всё дело в том, что после смерти писателя Надежда Михайловна привезла часть архива и библиотеки Всеволода Гаршина в усадьбу Красково, в которой уже была хорошая библиотека её родственников по линии матери. После 1917 года библиотеку в Краскове пришлось спасать от разграбления. Так в двадцатые годы XX века Вологодская публичная библиотека получила автографы В. М. Гаршина и часть книг с его экслибрисами. Надежда Михайловна посвятила свою жизнь реабилитации душевнобольных в память о муже и, в частности, с 1911-го по 1921 год работала ординатором в Вологодской земской психиатрической больнице в Кувшинове. Большую часть экспонатов и книг, рукописей мужа, хранившихся в её квартире под Вологдой, она передала в Пушкинский дом. Такой своеобразной получилась связь писателя В. М. Гаршина и Красковской усадьбы Никановых - Золотиловых.

После революции 1917 года в усадьбе открылся детский дом. <...>

Сегодня можно обнаружить лишь часть фундамента «барского дома»

Всеволод Михайлович Гаршин (1855 - 1888 гг.)

(детдома). Был и обширный усадебный парк на краю села. С 2009 года он объявлен охраняемой природной территорией, но местное население об этом почти не знает, и от парка мало что осталось.

Сохранились материалы об этом детском учреждении его директора Евдокии Михайловны Киселёвой. Мы будем цитировать материал её внучки Н. Т. Бабуриной.

Итак: «В сентябре 1941 года Красковский детский дом остался без руководителя: персоналу сообщили, что директор ушел на фронт, на самом деле он был отстранен от должности и привлечен к уголовной ответственности за растраты, самым печальным образом отразившиеся на состоянии учреждения и его воспитанников. В детском доме почти не было игрушек, имелась только старая и поломанная мебель, дети спали на кроватях без матрасов, в своей неопределенного цвета не по росту одежде они напоминали малолетних заключенных. Ситуация усугублялась трудностями военного времени: не было дров, транспорта, не хватало продуктов. В этой сложной ситуации с 26 сентября первого года Великой Отечественной войны Красковский детдом и возглавила Е.М.Кисёлева, проработавшая в этой должности пятнадцать лет».

Благодаря умелому руководству нового директора и самоотверженности коллектива Красковский детский дом в скором времени стал одним из лучших в области.

«Детдом размещался в бывшей усадьбе жены писателя В. М. Гаршина, отопление печное - дровами. Детей в

период войны было в два раза больше нормы. А после снятия блокады стали поступать блокадные дети, измученные, похожие на старичков. Работники детдома старались приложить все силы, чтобы сохранить жизнь этим детям. Было организовано подсобное хозяйство. Были коровы, лошади, куры, свиньи. Нужно было кормить детей и обслуживающий персонал. Был земельный участок. Сажали картофель. Сеяли и обрабатывали зерновые. Косили сено. Сами заготавливали дрова для отопления здания. Дети были одеты и по тому времени сыты, так как были дополнительные продукты от своего подсобного хозяйства».

Продолжим наше исследование воспоминаниями старшей сестры Н. М. Руб-

этому и не нашли его, и я с отцом ездила, а папа больше не стал разыскивать. Направили его работать опять начальником, станция Вохтога. Встретил он там женщину Женю...»

Видимо, привыкал маленький Коля Рубцов к казённой обстановке трудно, несмотря на заботу воспитателей, сбегал из него. Может, отправили мальчика так далеко в Никольский детдом в 1943 году, чтобы и мыслей о побеге у него больше не возникало. <...>

В сохранившемся списке детей, которые подлежали выпуску из Красковского детского дома в 1943 году, фамилии Рубцова нет. Как же так? Убежал на время составления списка? Вошёл в какой-то другой список? Небрежность или ошибка руководства детдома, составлявшего список?

Наверное, ответив на эти вопросы, можно понять и то, почему Николай не был найден после демобилизации Михаила Андриановича с фронта. Наверняка мы ничего не знаем, но то, что следы Коли затерялись в Красковском детдоме, можем ясно предполагать. <...>

Летом 2019 года мы с С. И. Петровым побывали в деревне, которая на целый военный год, может быть, самый трудный в биографии, приютила Колю Рубцова и, видимо, на два года его брата Борю... Над бывшей барской усадьбой витал призрак большой русской литературы...

Конечно, прямые аналоги неуместны, но видится сходство и в творческих биографиях писателя и поэта. Так, поэт Рубцов провёл в Краскове более года в шестилетнем возрасте, а книги с автографами писателя Гаршина поступили в Вологодскую научную библиотеку им. И. В. Бабушкина именно из усадьбы Красково, хотя сам писатель в Краскове, видимо, никогда не был. Интересен ещё один факт: по пути в Вологодскую губернию (в Федосьин Городок) в конце июля 1879 года у Всеволода Гаршина в поезде похитили чемодан с вещами и с первой редакцией рассказа «Художники». Примерно через сто лет почти такое же случилось с Николаем Рубцовым, у которого на вокзале в Вологде украли чемоданчик с нателным бельём и рукописью повести, по некоторым данным, о службе на Северном флоте, к которой, правда, поэт больше не возвращался.

Роднит их судьбы ранний, трагический уход из жизни: в 33 года - Гаршин, в 35 лет - Рубцов. Роднит и нереализованная творческая перспектива: тот и другой находились в расцвете сил и таланта и могли бы ещё многое сделать во славу русской словесности.

Николай Михайлович Рубцов (1936 - 1971 гг.)

цова Галины Михайловны, записанными в 1991 году.

«Маму похоронили, мы все остались одни, а значит, ребятшек надо устраивать в детдом. Сначала отправили Алика, а у Коли болели руки, экзема... Отправили его в Краснодарский ли, в Красноборский, забыла название. Алик и Боря тоже там были вместе. А Коля сбежал из детдома. Когда папа пришёл с войны, он постарался первым разыскать Колю почему-то... Когда я съездила в детдом, мне сказали, что он убежал куда-то, а куда, не знаем. И не пять лет ему было, как везде пишут, а седьмой год ему шёл. В тот Никольский детдом его отправили не из первого детдома, а после побега. Мы, может, по-

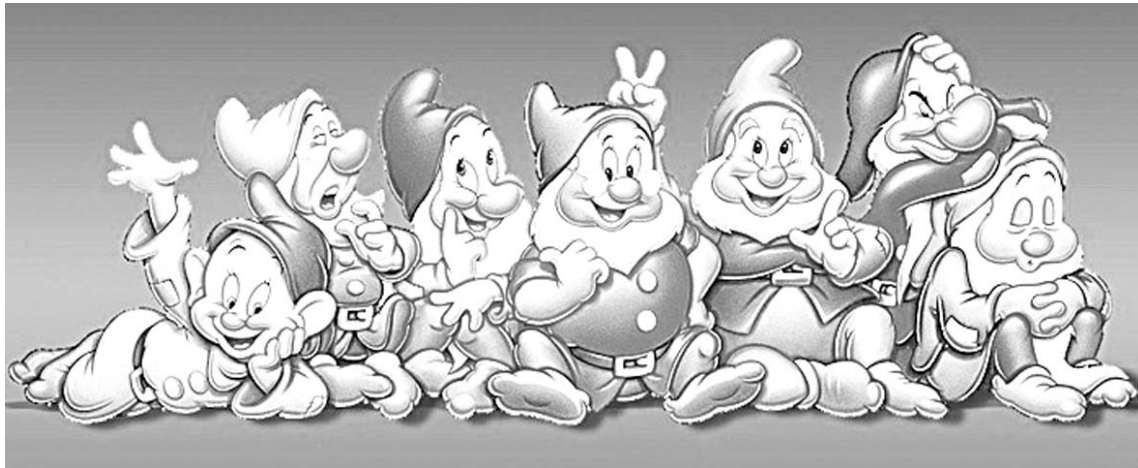
Ф О Н А Р И К

страница творчества детей и для детей

0+

**Максим ПАШОВ (Кубенская средняя школа, 5-й «А» класс),
член клуба детского чтения и творчества «Фонарик»**

Маша и семь гномов

Однажды с маленькой девочкой Машей случилась интересная и совсем необычная история.

Маша очень любила Новый год и всегда ждала его с нетерпением. Когда праздник наступил, девочка получила в подарок от родителей набор маленьких игрушек: Белоснежку и семь гномов. Маша очень радовалась подарку, это была её любимая сказка.

Она принялась играть с гномами, но вдруг заметила, что что-то не так. Белоснежка была пластиковая и совершенно обыкновенная, а гномы, хотя они не двигались, казались девочке живыми.

Как такое может быть? Маша стала за ними следить и вскоре увидела, как один из них моргнул, а другой почесал затылок.

«Ничего себе!» - подумала Маша. Она подбежала к гномам и зашептала: «Я знаю, что вы живые. Не бойтесь, я никому не скажу».

После этого девочка сгребла их в коробку и унесла в свою комнату - подальше от всех. Там она попросила гномов не прятаться. Через несколько минут один из них заговорил с девочкой.

Он рассказал, что их поймал злой волшебник и превратил в игрушки, но магия новогодней ночи расколдовала гномов, и теперь они не знают, как вернуться домой. Оказалось, что они живут

в городском парке под большим старинным дубом.

Маша была доброй девочкой и согласилась помочь. Она уговорила папу сводить её в парк на прогулку, не забыв прихва-

тить с собой новых друзей. Когда они оказались в парке, папа предложил пойти покататься на лошадях, ведь это было любимое Машино развлечение, но девочка попросила его прогуляться в старой части парка, где растут дубы. Они шли с папой, держась за руки, светило солнце, а под ногами похрустывал снег.

Увидев самый большой дуб, Маша тихонько вытащила из рюкзака коробку с гномами и поставила её на снег. Папа рассказывал ей о зимующих в этих краях птицах и ничего не заметил. Но девочка видела, как приоткрылась крышка, и маленькие человечки побежали в сторону большого дуба. Она радостно улыбнулась и подумала: «Хорошо, что я смогла помочь гномам вернуться домой». Ведь в новогодние дни все желания должны исполняться.

Совсем недавно в издательстве «Логос» вышла в свет новая книга нашего постоянно автора вологжанки Светланы Чернышёвой «Ася и Воздушный шар». В книге собраны детские рассказы и сказки, некоторые из которых уже публиковались на страницах «Литературного маяка». Мы от души поздравляем Светлану Николаевну и публикуем сказки из новой книги.

Думаете, я - просто рукавичка? С торчащими ворсинками, из тёплых шерстяных ниток... И ещё с ушками. Хорошо, что уши такие мягкие и удобные. Самые замечательные! В общем-то, я - заяц, которому захотелось о себе рассказать. Видите, как я вас запутал? А себя? Ну, себя - не очень. Потому что есть такие рукавички, на которых живёт вязаный зайчик. И, если вывернуть наизнанку, зайчик окажется в домике из рукавички.

Я бы, конечно, жил и жил в своём домике, если бы меня не потеряли. Вообще-то я не прочь заваляться в шкафу, на всё лето. А потом - найтись. И столько радостного визга - как это умеет делать Тая. А сейчас, зимой, неужели ей хватит одной рукавички? Друзей ведь много не бывает. Даже таких, которые веч-но теряются.

Поначалу эта мысль очень меня расстроила, и я решил песни петь. Вдруг меня услышат и найдут! А не найдут, так веселее станет... Но получилось что-то печально-завывальное: у-ау-у-ау. Тут я вспомнил, как Тая говорила, что грустить лучше сказочно.

Зайкины сказки

ТЁПЛАЯ СКАЗКА

Тая - моя лучшая подруга. С виду она совсем обычная девочка, синеглазая, с жёлтыми, как солнце, косичками. Она любит гулять в парке, особенно когда кружится первый, ещё липкий снег, падает хлопьями на землю и хлопает под ногами: хлюп-хлюп! Она начинает лепить неуклюжего снеговика. Но без меня-то, вернее, без варежек, ей не справиться. И вот - один, второй, третий снежный ком, один над другим. Морковный нос, какой любят грызть настоящие зайцы. Вместе мы мастерим снеговикам руки из веточек. Остаются глаза... Тая осторожно раскалывает сосульку на ледышки, и вскоре снеговик смотрит ледяными глазами.

- Хочешь, я покажу тебе солнышко, которого боятся даже микробы? - спрашивает меня Тая.

И она поднимает меня высоко-высоко. Я сначала щурюсь, чуть-чуть дрожа шерстяной шубкой, от страха. Но потом-то я вижу, какое оно кра-

сивое, с лучистыми ушками.

- А ты знаешь, что на солнце живут солнечные зайчики?

И я начинаю их различать: красный, оранжевый, жёлтый... Только слишком быстрые, так и скачут в глазах.

- Это от жары! - поясняет моя подруга.

Мне тоже бывает жарко, когда Тая оставляет меня дома на батарее. Конечно, я скучаю. Её отсутствие кажется мне бесконечным. Но солнышко в окошке такое яркое! А что, если солнечные зайчики, родственному, заскочат ко мне в гости? Шутка ли, столько разноцветных друзей... Мо-

жет, стоит спросить, есть ли на солнце морковь? Тоже разноцветная?

МИЛАЯ СКАЗКА

У Таи есть пёс Альбатрос. Конечно, альбатрос - это птица, которая не боится морозного ветра, потому что живёт в Антарктиде, а пёс - это пёс. Но, бывает, что имя выбирают для красоты.

- Почему же, - спрашивает Тая, ласково заглядывая Альбатросу в глаза, - ты не летаешь?

Пёс щурится и молчит. Альбатрос, пока был лопухим щенком, верил, что у него растут крылья. Он мечтал носиться под облаками, поэтому упор-

но чесал бока задней лапой. Он слышал, что крылья, когда растут, сильно чешутся. Но крылья всё не росли. Он пробовал одолжить их у вороны... Лучше было бы у ястреба, у того крылья подлиннее. Но тогда нужно искать банку клея. Так сказала Тая. А клей - это такое вязкое средство - к нему прилипнут крылья, потом лапы и, конечно, хвост... Нельзя сказать, что Альбатрос отчаялся, но мечтать о полётах перестал.

- Достаточно того, что я умею говорить, - заявил Альбатрос.

- Ну, удивил, - почти обиделась Тая. - Кто же этого не умеет?

И потрясла ему в назидание моими шерстяными ушами так, что я вздрогнул. Заяц имеет право быть трусливым.

- Может, в прятки сыграем? - решил исправить положение пёс. - Вон, за тем деревом, как раз подходящий сугроб.

- Хорошо, - согласилась Тая, - только не смей находить меня очень быстро.

- Постар-рр-раюсь! Только ты постар-рр-райся не замёр-р-рзнуть.

Альбатрос носился по парку, как на крыльях перелетая наш с Таей сугроб. И нас не находил. Раз перемахнул - а мы в снежном домике, ещё раз - и мы снова здесь, совершенно спрятанные. Потрясающе! И так много-много раз.

Тая очень не любила находиться, ей нравилось прятаться, а псу нравилось то, что любила его маленькая хозяйка. И каждый в этой сказке был самым милым.

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

Осенью в доме Орловых появился телевизор. В Мышкине стало одной антенной больше. Не нужно было Федьке с Алёшкой вечерами бегать, как они говорили, «на телевизор». Теперь им самим приходилось принимать гостей, когда шли интересные передачи.

Телевизор поставили на самом почётном месте в углу под образами, которые, несмотря ни на что, ещё оставались в доме.

Первые впечатления братьев Орловых от просмотренных передач совпали с очень напряжённым положением в мире, связанным с ситуацией в Карибском бассейне.

В коридоре их родной Куркинской школы был оформлен стенд, который знакомил ребят с важнейшими событиями в стране и мире. Школьники искренне переживали за Остров свободы и сделали Америку, обозначенную на политической карте мира коричневым цветом, мишенью для бумажных пулек, что сразу же было пресечено дежурными, и виновные получили наказания от директора школы Валентины Васильевны Старовой.

Однажды, ожидая у стенда брата, Алёшка спросил у неё:

- Валентина Васильевна, Америка нападет на Кубу?

- Алёшка, наше правительство делает всё возможное, чтобы этого не допустить.

Наступила суббота, 27 октября 1962 года. Вечером, когда Федька включил телевизор, прозвучали слова:

Мирный гиперболоид

Николай СОКОЛОВ (с. Куркино)

- «Уважаемые товарищи! Сегодня мы будем передавать важное правительственное сообщение».

В тот вечер Орловы ждали приезда старших сестёр. Занимаясь за столом, и Федька, и Алёшка то и дело выглядывали на улицу.

- Стекло не разбейте! - строго предупреждала мать, когда в очередной раз головы братьев лбами прижались к окну. Отпрянув, они продолжали наблюдать за тем, что происходило на улице. А там несколько женщин стояли у колодца и разговаривали, взмахивая руками и покачивая головами, на лицах их выражались то удивление, то осторожность, волнение...

- Пойду, принесу пару ведер, - проговорила мать, надевая платок и накидывая ватную жакетку. Вернувшись домой, она сказала:

- Господи! Дома тишина, уют, а в мире-то уж больно беспокойно, хоть бы ничего страшного не произошло...

- Не приведи господь! - совсем тихо ответила на её слова бабушка.

Приезд сестёр отвлек на некоторое время внимание от тревожных ожиданий. Забегали к сестрам подруги узнать, соби-

раются ли Рита и Вера в клуб, но они ответили, что дождутся сообщения по телевизору.

Все переживали и боялись произнести страшное слово...

Отец был более спокоен: - Ничего не будет! - говорил он. - Всё решится мирно, вот увидите.

И вот прозвучало долгожданное: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём правительственное сообщение...» Прислушав его, Орловы и весь мир вздохнули с облегчением.

Радостно, легко и светло стало на душе. Всем захотелось выговориться. Братья, сестры, бабушка, мать теперь улыбались и шутили.

В клуб в тот исторический вечер Рита и Вера так и не попали, но решили прогуляться, подышать свежим воздухом. Алёшка попросился с ними, и они согласились.

Радостный Алёшка, быстро сунув ноги в резиновые сапоги, схватил серую кепку и накинул черное демисезонное пальто.

- Фонарик захватите! - крикнула вслед мать. - Темень - глаза выколи.

- Я взял китайский, - ответил уже из сеней Алёшка.

Спустившись с крыльца и пройдя по мосткам, на которые падал свет из окна, они оказались в заулке у пруда. Неосвещенная улица встретила их освещающим ветерком, лениво ше-

велившим тонкие ветви, которые уже сбрасывали последние листья. Жёлтые квадратики огней нескольких не уснувших изб светились в темноте. Еле видны были палисады и тропка вдоль деревни. Небо, покрытое тёмными тучами, усиливало ощущение, что глухая осень полностью овладела местностью. Не слышно ни пения птиц, ни крика домашних животных, ни разговоров у колодца. Только у кого-то робко скрипнула калитка, да с другого конца деревни донёсся ленивый лай.

Фонарик с новыми батарейками ярко высвечивал под ногами пожухшую траву, опавшие листья, небольшие лужи с мутной водой.

- Рита, Вера, смотрите! - вдруг крикнул Алёшка. Он, быстро покрутив отражатель, превратил свет фонарика в узкий пучок и направил его вверх под небольшим углом. Тонкий, очень чёткий луч вспыхнул в лёгком осеннем тумане. По мере удаления его свет тускнел и полностью исчезал в темноте.

- Гиперболоид! - Алёшка выдержал паузу и добавил: - Только мирный.

- Конечно мирный! И пусть больше не будет таких тревожных вечеров, как сегодня.

«Гиперболоид» продолжал освещать путь, а сестры и сам Алёшка вдыхали полной грудью свежий воздух, чувствовали себя спокойно и счастливо...

Рисунок автора

Представляем читателям «МЖ» нового автора. Алексей Бусс родился в городе Тахиташ Каракалпакской АССР в 1973 году, окончил филфак Акмолинского пединститута, автор восьми книг стихов и прозы, руководитель литературной студии «Голоса поколений» при Саратовском отделении Союза писателей России.

ТЕМ, КТО НЕ ЛЮБИТ БУКВУ «Ё»

... Там, где метели уносятся влёт, Времени давнем, прошедшем, Перекрестясь, выходили на лёд Чудского озера предки.

Волга без края, без паруса чёлн, Ноги босые по трапу... Кто там поёт, это клич или стон? Здравствуй, Фёдор Шаляпин!

Дыбятся трубами фабрики - что ж! Время идёт невозвратно! Его подгоняют коротким «Даёшь!» В масляных робах ребята.

А над окопами - алый восход, Злой и заметный нелепо... Хриплой командой комбаты «Вперёд!» Хлещут стрелковые цепи.

Лётчик по трапу спускается к нам, Шинель и улыбка простая... Эта весна - непростая весна: Поехали, Юрий Гагарин!

Школьник в портфеле учебник несёт И улыбается людям. У учебнике - Пушкин, а он - наше всё!

Мама, Родина, Пушкин...

Памятник букве «Ё» в Ульяновске

Так было, так есть, и так будет.

Ах, Карамзин, молодец, вот даёт - Ёкать заставил всех силой! Это ведь наше, моё, «Ё-моё»! Главная буква России!

В нашем доме икон не держали, впрочем, так же, как хрустали. Лишь до книжек всегда была жадной невеликая наша семья.

Лишь портретик на белой пластмассе на обоях, что в блеклый цветок, стену комнаты нашей украсил, чёрно-белый, круглый, простой.

С ним взрослел я

в обыденной «двушке» и обычным рос пацаном. Губы мамыны: «Это - Пушкин!» прошептали мне перед сном.

И смотрел на портрет я долго, погружаясь в сон и не сон: Будто бы по чудным дорогам богатырским конём унесён!

И такие мерещились дали, И не виделся сказкам предел! Их я всем во дворе пораздал бы, если б пересказать сумел.

В горе, в праздники или в будни, в нашем доме стихи прижились. Как молитвы - лёгкие, трудные, и за руку ведущие - в жизнь!

Я с иконами вовсе не спорю, тем, что это молитва моя:

Алексей БУСС

«Узник», «Пущину», «У Лукоморья...», «мама», «родина», «Пушкин», «семья».

А помните, сдавать ходили Мы «вторсырью» макулатуру? И путь был по задворкам длинный, Чтоб взять квитанцию простую.

Ах, эта серая бумажка! Билетов всех она дороже... Я так купюры, верьте, даже Ценить потом не буду позже.

Вы говорите: дефициты Для ностальгии только повод... А вы попробуйте, спасите Хотя бы дерево одно вот.

А я спасал и упивался Под яблонею книгой новой, Там шёл фрегат, меняя галсы, Там верили клинку и слову!

И звонко пела пуля-дура, И гордо реяли штандарты, Из той моей макулатуры Верстались приключений карты...

Книг недочитанных в жизни раскидано - Ну - не понравилось, скучно, вечно усталые... Мужик-трудоголик, девица на выданье,

Мать с малолеткой, бухгалтер, да мало ли...

Книгу отложим надолго - один ответ: Некогда душам сейчас над строкой страдать. Но не терпел оправданий таких мой дед: Книги от корки до корки читал всегда.

Чтоб не случилось, горел у него торшер, В пальцах, познавших ремёсел десятка два, Новая книга покоилась, и вообще В библиотеку он неохотно их отдавал.

С детской книгой или собакой Пиф В свете торшера любил рядом я сидеть. Слушал в восторге, хитрый вопрос задав - На все вопросы ведал ответы дед.

Здесь вот конфетный фантик между листов, От карамели давнишней, другой страны Дед уходил, не дочётный оставив том, Туда, где нет книг и они уже не нужны.

Эта закладка - сквозь годы прошедшие нить, Ждёт на странице она двести семьдесят пять. По телефону какому теперь звонить: «Может, вернёшься - хоть книжку свою дочитать?»